

На правах рукописи

Круглова Анна Юрьевна

**ДЕСТРУКТИВНЫЕ ИСЛАМИСТСКИЕ
И ТЮРКСКО-ИСЛАМИСТСКИЕ СЕТЕВЫЕ СТРУКТУРЫ
НА ЮГЕ РОССИИ: ФОРМИРОВАНИЕ, ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ,
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И МЕТОДЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ**

Специальность 22.00.04 – социальная структура,
социальные институты и процессы

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Ростов-на-Дону – 2019

**Работа выполнена в ФГАОУ ВО
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

**Научный
руководитель:** доктор философских наук, профессор
Добаев Игорь Прокопьевич

**Официальные
оппоненты:** **Акаев Вахит Хумидович,**
доктор философских наук, профессор;
ФГБУН «Комплексный научно-исследовательский
институт им. Х.И. Ибрагимова Российской академии
наук», главный научный сотрудник

Кротов Дмитрий Валерьевич,
доктор социологических наук;
РОМОО «Донской союз молодежи», председатель

**Ведущая
организация:** **ФГБУН «Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра Российской академии
наук»**

Защита состоится «05» апреля 2019 г. в 13.00 на заседании Диссертационного совета Д 212.208.01 по философским и социологическим наукам в ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160, Институт социологии и регионоведения ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», ауд. 34).

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке им. Ю.А. Жданова при ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (344103, г. Ростов-на-Дону, ул. Р. Зорге, 21 Ж) и на сайте Южного федерального университета: <https://hub.sfedu.ru/diss/>

Автореферат разослан «_» марта 2019 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Войтенко Валерия Петровна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. На территории Юга России сохраняется этноконфессиональная напряженность, вызванная существованием деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур. Деятельность данных структур формирует угрозы и риски национальной безопасности Российской Федерации, а также дестабилизирует социально-политическую обстановку в регионе.

За последние несколько лет изменились формы и методы специфической практики исламистов и тюркистов на Юге России. В настоящее время им стало экономически затруднительно содержать разветвленную многоуровневую сеть. Ввиду данных обстоятельств создаются структуры, рассчитанные на выполнение одной или нескольких подрывных акций, при этом не получающие санкции сверху и не координирующие свои действия с другими сетевыми ячейками. Выполнив свою миссию, они «растворяются» или проходят процесс трансформации в более сложную форму для следующей разовой акции. Подобные действия приводят к большому количеству жертв и финансовому ущербу для страны.

Вхождение республики Крым в состав России в марте 2014 года до сих пор не признается представителями зарубежных стран, а также деструктивными организациями крымских татар, что является дополнительной подпиткой для усиления националистических и экстремистских антироссийских акций. Более того, при внешнем влиянии происходит их активизация, а также появляются новые модернизированные сети, целью которых является дестабилизация ситуации на российском юге.

Усиление влияния и жизнеспособности исламистской группировки «ИГИЛ» («ДАИШ»), запрещенной на территории России, привело к увеличению числа сторонников ее деятельности в стране и в ее южном регионе в частности. Используя различные методы вербовки, в том числе посредством сети Интернет, ее адепты скло-

няют российскую молодежь на прохождение диверсионной подготовки в полевых лагерях «ИГИЛ». Обученные молодые люди нередко возвращаются в Россию с полученным опытом и знаниями для совершения подрывных акций. Указанные обстоятельства дополнительно актуализируют предпринятое нами исследование.

В этой связи социальная значимость темы диссертационного исследования заключается в выявлении факторов и причин возникновения на территории Юга России исламистских и тюркско-исламистских деструктивных сетевых структур, а также в осмыслении их идеологических доктрин, ценностных предпочтений, социально-политических практик, а также методов противодействия их деструктивной деятельности.

Научно-теоретическая значимость заключается в необходимости построения социологической концепции формирования сетевых исламистских и тюркско-исламистских структур на Юге России и методов противодействия их деструктивной деятельности. Актуальность комплексного социологического анализа факторов формирования и методов противодействия деструктивным исламистским и тюркско-исламистским сетевым структурам обусловлена теоретической потребностью уточнения и введения в научный оборот базовых понятий и конструктов исследования.

На прикладном уровне значимость темы исследования заключается в том, что на базе социологической диагностики можно разработать эффективные методы противодействия деструктивной деятельности исламистских и тюркско-исламистских структур, что в свою очередь будет способствовать нормализации этноконфессиональной обстановки.

Степень научной разработанности темы научного исследования. На сегодняшний момент в гуманитарной науке существует большой пласт исследований, посвященных изучению сущности деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур, определяющих их роль в дестабилизации социально-экономической и политической обстановки на Юге России. Сово-

купность социологических научных исследований, затрагивающих исследуемую тематику, можно разделить на несколько направлений.

В теоретическую группу включены социологические исследования, посвященные изучению социальных структур в широком смысле. Особый интерес представляют научные работы (Дж. Барнз, П. Бергер и Т. Лукман, Э. Ботт, Ф. Гваттари и Ж. Делез, Дж. К. Митчелл, М. Кастельс, Дж. Морено, С. Надель, У. Пауэлл и Л. Смит-Дор¹), где затрагиваются вопросы сущности сетевой структуры, ее строения и выполняемых функций. Разработка тем, касающихся описания моделей социальных сетевых структур, их специфики и функционирования, обусловленных информационной направленностью, привлекла внимание отечественных исследователей, в числе которых Д.А. Губанов, Д.А. Новиков, А.Г. Чхартишвили; Г.В. Градосельская; Г.Ю. Филимонов и С.А. Цатурян; А.Н. Чураков².

Научной литературы, которая раскрывает понимание деструктивных сетевых структур в гуманитарном знании, достаточно мало. Отдельно выделим работы В.И. Ковалева и Ю.А. Матвиенко³, которые

¹ *Barnes J.* Class and Committees in a Norwegian Island Parish // *Human Relations*. 1954. № 7. Pp. 39–58; *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 113; *Bott E.* Family and Social Network: Roles, Norms and External Relationships in Ordinary Urban Families. L.: Tavistock Publications, 1957; *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Ризома // *Философия эпохи постмодерна*. 1996. С.9-31.; *Clyde Mitchell J.* Social Networks in Urban Situations: Analysis of Personal Relationships in Central African Towns Manchester: Manchester University Press, 1969. P. 304; *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М., 2000. С. 470; *Кастельс М.* Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева, под ред. В. Харитоновой. Екатеринбург, 2004. 328 с.; *Морено Дж. Л.* Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе / Пер. с англ. А. Боковиной, под научной редакцией Золотовицкого Р.А. М., 2001. 383 с.; *Nadel S.F.* The Theory of Social Structure. L.: Cohen and West. 1957; *Powell W., Smith-Doerr L.* Networks and economic life // *Economic Sociology*. 2003. Vol. 4. № 3. P. 105.

² *Губанов Д.А., Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г.* Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства М., 2010. 228 с.; *Градосельская Г.В.* Сетевые измерения в социологии: Учебное пособие. М., 2004. 248 с.; *Филимонов Г.Ю., Цатурян С.А.* Социальные сети как инновационный механизм «мягкого» воздействия и управления массовым сознанием // *Политика и общество*. М., 2012. № 1. С. 65–75; *Чураков А.Н.* Анализ социальных сетей // *Социологические исследования*. 2001. № 1. С. 108–121.

³ *Ковалёв В.И., Матвиенко Ю.А.* Деструктивные сетевые социальные структуры и информационные войны как современные вызовы безопасности России. [Электронный ресурс] URL: <http://spkurdyumov.ru/networks/destruktivnye-setevye-socialnye-struktury/>. (дата обращения: 16.08.2018).

рассматривают деструктивные сетевые структуры в контексте информационных угроз в современной России, а также исследования И.В. Лысак, где представлена деструктивная деятельность сетевых структур в общем⁴.

Стоит также выделить направление, посвященное исследованию эндогенных и экзогенных факторов формирования деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур на Юге России. Эти вопросы вошли в сферу научных интересов таких исследователей, как Н.А. Анисимова, Ю.М. Антонян, Д.М. Гаджиев, К.Г. Горбунов, В.Н. Гурба, В.В. Лунев, О.В. Маслова, С.Е. Метелев, Д.В. Ольшанский, О.В. Рябцев, С.Я. Суций⁵).

Другим важным сюжетом в исследовании деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур является их социальная база. Идеологическая приверженность исламистов, опирающихся на идеологию радикального исламизма, нашла свое отражение в научных трудах В.А. Авксентьева и Г.Д. Гриценко, В.Х. Акаева и Б.Б. Нанаевой, З.С. Арухова, Р.Г. Гаджибеко-

⁴ Лысак И.В. «Человек – разрушитель: деструктивная деятельность человека как социокультурный феномен», 1999. С. 19.

⁵ Анисимова Н.А. Сетевые структуры террористов на Северном Кавказе: причины формирования и стратегии противодействия. Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д., 2013. 30 с.; Анисимова Н.А. Современные террористические сообщества на Северном Кавказе: особенности функционирования и причины формирования // Социально-гуманитарные знания. Ростов н/Д., 2013. № 11. С. 4; Антонян М.Ю. Этнорелигиозный терроризм. М., 2006. С.73; Гаджиев Д.М. Безработица и преступность: состояние, причины и противодействие // Власть. 2005. № 4. С. 14–21; Горбунов К.Г. Терроризм: история и современность. Социально-психологические исследования. М., 2012. С. 231; Гурба В.Н. Терроризм в регионах адатных культур (на примере Северо-Кавказского региона.. Автореф. дис. ... д-ра соц. наук. Новочеркасск, 2011. С. 16; Лунев В.В. Терроризм и экстремизм как проявление радикализма в исламе. Челябинск, 2003. С. 34-35; Маслова О.В. Состояния общества и деятельностные формы их детерминации (социологический анализ). Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Красноярск, 2003. С. 23; Метелев С.Е. Современный терроризм и методы антитеррористической деятельности. Монография. Омск: Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2008. С. 34–36; Ольшанский Д.В. Психология терроризма. М., 2002. С. 88; Рябцев О.В. Сетевой принцип деятельности организаций закрытого типа в контексте угроз национальной и региональной безопасности России (на примере крымско-татарского национального движения). Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д., 2008. 26 с.; Суций С.Я. Террористическое подполье на Востоке Северного Кавказа (Чечня Дагестан, Ингушетия). Ростов н/Д., 2010. С. 40–41.

ва, И.П. Добаева, З.М. Залимханова, А.А. Игнатенко, Х.Т. Курбанова, А.В. Малашенко, С.М. Маркедонова, Н.Е. Романченко, С.Я. Суцего, К.М. Ханбабаева, В.В. Черноуса, А.А. Ярлыкапов⁶. В рамках этого направления З.М. Абдулагатов, Е.О. Кубякин, А.В. Сериков, В.В. Черноус⁷ обращают внимание в своих научных работах на проблему вовлечения молодежи в террористические и экстремистские структуры. Сетевой принцип организации «исламистских джамаатов» отдельно рассматривают В.Х. Акаев и

⁶ *Авксентьев В.А., Грищенко Г.Д.* Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе: экспертная оценка (научная статья) // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 92–99; *Акаев В.Х.* Суфийская культура на Северном Кавказе: Теоретические и практические аспекты. Ростов н/Д., 2009. С. 31; *Акаев В.Х., Нанаева Б.Б.* Социально-политический феномен «Исламизм» на Северном Кавказе: особенности проявления и меры противодействия // Гуманитарные и социально-экономические науки 2017. № 2 (93). С. 47-55.; *Арухов. З.С.* Специфика северокавказского ваххабизма // Актуальные проблемы противодействия религиозно-политическому экстремизму. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Махачкала, 2007; *Гаджибеков Р.Г.* Внутренние факторы влияния на процессы политизации и радикализации ислама в Российской Федерации. Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д., 2013. 21 с.; *Добаев И. П.* Идеологические конструкты радикального исламизма // Гуманитарий Юга России. 2015. № 2. С. 121—129; *Залимханов З.М.* Политизация ислама на Северном Кавказе: (на примере Дагестана и Чечни). Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Махачкала, 2002. 23 с.; *Игнатенко А.А.* Эпистемология исламского радикализма [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.situation.ru/app/j_art_1129.htm (дата обращения: 14.10.2018); *Курбанов Х.Т.* Религиозно-политический экстремизм на Северо-Восточном Кавказе: идеология и практика (на материалах Республики Дагестан): Автореферат дис. ... канд. полит. наук. Махачкала, 2006. 26 с.; *Малашенко А.В.* Исламское возрождение в современной России. М., 1998; Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001. 180 с.; *Маркедонов С.М.* Этнонациональный и религиозный фактор в общественно-политической жизни Кавказского региона. М. .2005. 379 с.; *Radical Islam in the North Caucasus. Evolving Threats, Challenges, and ...; Романченко Н.Е.* Институционализация современных радикальных неправительственных религиозно-политических организаций на Северном Кавказе // Южнороссийское обозрение. Ростов н/Д.: Социально-гуманитарные знания, 2011. Вып. 68. 184 с.; *Суцгий С.Я.* Особенности центростремительного устройства российской социокультурной системы и стадии развития культурного комплекса Юга России // Научная мысль Кавказа. 2009. № 2. С. 32–40; *Ханбабаев К.М.* Этапы радикализации исламского движения в Дагестане // Южнороссийское обозрение. Ростов н/Д., 2012. № 72. С. 104; *Черноус В.В.* Этноэтатизм в системе федеративных отношений на Северном Кавказе // Федерализм на Юге России. Ростов н/Д., 2003; *Ярлыкапов А.А.* Проблема сепаратизма и исламского экстремизма в этнических республиках Северного Кавказа // *Antiterror Today*. [Электронный ресурс] URL: <http://antiterrortoday.com/geografiya-terrorizma/proyavleniya-terrorizma-i-ekstremizma-po-stranam/s-n-g/severnyj-> (дата обращения: 23.10.2017).

⁷ *Абдулагатов З.М.* Особенности социализации современной молодежи и социальные деформации в молодежной среде (на примере Республики Дагестан). Махачкала, 2011. 206 с.; *Кубякин Е.О., Сериков А.В., Черноус В.В.* Молодежный экстремизм в современной России. Ростов н/Д., М., 2010; *Сериков А.В.* Социальные причины агрессивности современной российской молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 11. С. 162–163; *Сериков А.В.* Экстремизация и протестная активность донской молодежи (анализ результатов социологического исследования) // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 11. С. 123–129.

С.Ш. Абдурахманов, Н.А. Анисимова, И.П. Добаев и Д.В. Умаров, Н.Е. Романченко, Р.А. Силантьев, А.В. Сухов, С.Я. Суций, И. Текушев, К.М. Ханбабаев⁸.

Исследовательские работы, посвященные вопросам изучения ценностных и идеологических предпочтений, социально-демографического портрета тюркско-исламистских деструктивных сетевых структур на Юге России, в том числе в республике Крым, составили самостоятельную группу. Данные вопросы вошли в сферу научных интересов таких авторов, как Я.А. Амелина, В.Е. Григорьянц, М.Н. Давыдов, Е.Н. Егоров, Ю.В. Кокин, И.Н. Комиссина, Р.Р. Сулейманов, В.А. Чигрин⁹. Однако следует

⁸ *Акаев В.Х., Абдурахманов С.Ш.* Теоретико-методологические аспекты терроризма как политического феномена // Вестник академии наук Чеченской Республики. 2008. №1. С. 179; *Анисимова Н.А.* Современные террористические сообщества на Северном Кавказе: особенности функционирования и причины формирования // Социально-гуманитарные знания. Ростов н/Дону, 2013. № 11; *Добаев И.П., Умаров Д.В.* Терроризм на Северном Кавказе: влияние внешних факторов / Южнороссийское обозрение. М., Ростов н/Д., 2013. № 74. С. 86; *Романченко Н.Е.* Институционализация современных радикальных неправительственных религиозно-политических организаций на Северном Кавказе // Южнороссийское обозрение. Ростов н/Д.: Социально-гуманитарные знания, 2011. Вып. 68. С. 131; *Силантьев Р.А.* Современная география исламского сообщества России // Религиоведческие исследования. 2016. № 2 (14). С. 319-324; *Сухов А.В.* Радикализация исламского движения в Центральной Азии и на Северном Кавказе: сравнительно-политологический анализ: на материалах Киргизской Республики и Республики Дагестан: Автореф. дис...канд. полит. наук. Ростов н/Д., 2008. 25 с.; *Суций С.Я.* Террористическое подполье на Востоке Северного Кавказа ... С. 34; *Текушев И.* Имарат Кавказ как особая исламская «этно-фундаменталистская модель» [Электронный ресурс] URL: <http://caucasustimes.com/ru/imar-at-kavkaz-kak-osobaja-islamskaja-je/> (дата обращения: 04.05.2017); *Ханбабаев К.М.* Этапы радикализации исламского движения в Дагестане // Южнороссийское обозрение. Ростов н/Д., 2012. № 72. С. 135.

⁹ *Амелина Я.А.* Крымско-татарское движение в Крыму: 20 лет в поисках пути // Проблемы национальной стратегии. 2013. № 1. С. 74–75; *Григорьянц В.Е.* Распространение нетрадиционных исламских течений в Автономной республике Крым // Флот 2017. [Электронный ресурс] URL: <https://old.flot2017.com/item/crimea2018/38027> (дата обращения: 07.10.2018); *Давыдов М.Н.* Деятельность турецкой религиозной секты «Нурджулар» // Институт Ближнего Востока. [Электронный ресурс] URL: <http://www.iimes.ru/?p=6397> (дата обращения: 16.03.2018); *Егоров Е.Н.* Движение «Таблиги джамаат»: идеология и специфика деятельности // Исламоведение. Махачкала. 2016. Т. 7, № 3. С. 3-4; *Кокин Ю.В.* Методологические подходы к изучению систем взаимодействия акторов Крымского регионализма в контексте украинского социума // Научная мысль Кавказа. 2013. № 4. С. 80; Внешнеполитический фактор в контексте преодоления кризиса национальной интеграции Украины в XXI веке: на материалах украинских и западных специалистов // Гуманитарий Юга России, 2016. Том. 17. № 1. С. 88-96; *Комиссина И.Н.* Движение «Таблиги Джамаат»: теория и практика радикализма // Проблемы национальной стратегии. М., 2011. №1. С.51; *Сулейманов Р.Р.* Исламистские радикальные «джамааты» на территории Крыма // VII Расу-

отметить тот факт, что при важности данной проблематики в отечественной гуманитарной науке крымская тематика недостаточно изучена, особенно не исследована деятельность данных организаций в условиях «русского Крыма».

В гуманитарной науке нет единого исследования, посвященного изучению взаимодействия исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур через различные каналы. Существуют исследовательские работы, рассматривающие каждый канал взаимодействия отдельно: идеологический (коллективная монография С.Е. Бережного, И.П. Добаева, П.В. Крайнюченко¹⁰); социологический (А.К. Дегтярев и В.В. Черноус¹¹; В.И. Мукомель и С.Р. Хайкин¹²; Х.Э. Мамутова, З.З. Хайрединова, М.В. Кузячкина, В.О. Евтушенко¹³; Д.В. Маковская¹⁴; Р.Ф. Патеев¹⁵; Р.А. Ханаху, С.А. Ляушева, О.М. Цветков, С.Х. Мусхаджиев¹⁶; В.В. Цибенко¹⁷; финансово-экономический (А.И. Добаев, Т.В. Игнатова, Е.А. Сте-

левские чтения: ислам в истории и современной жизни России: материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Троицк., 2018. С. 34; Чигрин В.А. Особенности интеграции этносов Крыма в российский полиэтнический социум // Гуманитарий Юга России. №3, 2016. С. 84-94.

¹⁰ Бережной С.Е., Добаев И.П., Крайнюченко П.В. Ислам и исламизм на Юге России // Южнороссийское обозрение. М., Ростов н/Д., 2003. № 17. 235 с.

¹¹ Дегтярев А.К., Черноус В.В. Исламизм: социологический дискурс // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д., 2010. № 2. С. 23–31.

¹² Мукомель В.И., Хайкин С.Р. Крымские татары после «крымской весны»: трансформация идентичностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 51–68.

¹³ Мамутова Х.Э., Хайрединова З.З., Кузячкина М.В., Евтушенко В.О. Культурные ландшафты Крыма: коллективная монография. Симферополь, 2016. 380 с.

¹⁴ Маковская Д.В. Мифологизация истории в контексте обеспечения геополитического доминирования на Северном Кавказе // Северо-Западный Кавказ: от прошлого к настоящему: Сборник материалов международной научной конференции. Ростов н/Д., 2017. С. 54.

¹⁵ Патеев Р.Ф. Роль исламского фактора в современном адыгском движении // Научная мысль Кавказа. 2014. № 1 (77). С. 98.

¹⁶ Ханаху Р.А., Ляушева С.А., Цветков О.М., Мусхаджиев С.Х. Ислам у адыгов Северо-Западного Кавказа. Майкоп, 2001. С. 15.

¹⁷ Цибенко В.В. «Война конференций»: черкесская проблематика в научном сообществе России и Турции // Северо-Западный Кавказ: от прошлого к настоящему: Сборник материалов международной научной конференции. Ростов н/Д., 2014. С. 31.

панова, Ю.В. Латов, С.Я. Суций¹⁸; информационно-пропагандистский (В.В. Красинский, Н.С. Седых, П.В. Шлыков¹⁹).

К отдельному блоку исследований можно отнести работы, направленные на изучение методов противодействия деструктивной деятельности исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур. В научных трудах В.Х. Акаева, Н.А. Анисимовой, М.А. Аствацатуровой, М.Ю. Барбашина, Ю.С. Колесникова, Н.Е. Романченко, Н.С. Седых, В.В. Черноуса²⁰ в основном рассматриваются политические, правовые, а также социально-экономические методы противодействия.

¹⁸ *Добаев А.И.* Системы перевода денег или ценностей: место и роль системы «Хавала» // Ученые записки СКАГС. Ростов н/Д., 2015. № 1. С. 96–104; *Игнатова Т.В., Добаев А.И.* Исламская экономика и эволюция системы «Хавала» // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2016. Т. 12. № 4. С. 149–170; *Степанова Е.А.* Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. М., 2015. 312 с.; *Латов Ю.В.* Экономический анализ современного терроризма. М., 2007. С. 27; *Суций С.Я.* Террористическое подполье на Востоке Северного Кавказа ... С. 40–41.

¹⁹ *Красинский В.В.* Экстремистские интернет-ресурсы «Имарат Кавказ» и противодействие «информационному джихаду» северокавказского бандподполья // Современное право. М., 2013. № 7. С. 129; *Красинский В.В.* Салафитско-ваххабитский фактор и его влияние на общественно-политическую жизнь Северо-Кавказского региона // Гражданин. Выборы. Власть. М., 2013. № 2. С. 108–120; *Седых Н.С.* Современный терроризм с точки зрения информационно-психологических угроз // Национальная безопасность. 2012. № 2. С. 69; *Шлыков П.В.* Направления и динамика процесса десекуляризации в Турции // Монтаж и демонтаж секулярного мира. М., 2014. С. 362.

²⁰ *Акаев В.Х.* Мобилизация этнокультурного ресурса в процессе противодействия проявлениям религиозного экстремизма. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Грозный, 2018. С. 28; *Анисимова Н.А.* Сетевые структуры террористов на Северном Кавказе: причины формирования и стратегии противодействия. Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д., 2013. 30 с.; *Аствацатурова М.А.* Динамика политико-управленческого курса в Северо-Кавказском федеральном округе в контексте Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. Экспертный доклад. М.; Ставрополь; Пятигорск: РНЦ Министерства образования и науки РФ, 2013; *Барбашин М.Ю.* Институты и этногенез: институциональное воспроизводство этнической идентичности в локальных сообществах. Ростов н/Д., 2012. С. 68; *Колесников Ю.С.* Какая «стратегия» нужна Северному Кавказу // Южно-Российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2010. № 1. С. 17–29; *Романченко Н.Е.* Институционализация современных радикальных неправительственных религиозно-политических организаций на Северном Кавказе // Южнороссийское обозрение. Ростов н/Д.: Социально-гуманитарные знания, 2011. Вып. 68. С. 114; *Седых Н.С.* Терроризм и глобальные риски современности: психолого-политический анализ // Международные отношения. 2013. № 1. С. 96; *Седых Н.С.* Роль массовой коммуникации в информационно-психологическом противодействии терроризму // Национальная безопасность. 2014. № 1. С. 33; *Черноус В.В.* Национальная политика: российское и северокавказское измерение // Ученые записки СКАГС. 2011. С. 8–12

Таким образом, подробный анализ научной, в том числе социологической литературы, позволяет сделать вывод: несмотря на достигнутые в данной области определенные успехи, пока еще отсутствуют специальные работы, комплексно изучающие факторы, причины формирования деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур. Кроме того, требует научной рефлексии изучение действий и взаимодействий как внутри указанных сетевых структур, так и между ними. Также в отдельный предмет социологического исследования не выделены вопросы, касающиеся методов противодействия деструктивной деятельности исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур.

Целью диссертационного исследования является разработка социологической концепции факторов формирования сетевых исламистских и тюркско-исламистских структур на Юге России и методов противодействия их деструктивной деятельности.

Задачи исследования:

1) изучить теоретико-методологические подходы социологических исследований деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур на Юге России;

2) выработать теоретико-методологический конструкт социологического исследования деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур на Юге России;

3) уточнить экзогенные и эндогенные факторы, влияющие на формирование деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур на Юге России;

4) определить социальную базу деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур на Юге России;

5) установить каналы взаимодействия и деятельности деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур на Юге России;

6) разработать методы эффективного противодействия деструктивной деятельности исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур на Юге России.

Объект исследования – деструктивные исламистские и тюркско-исламистские сетевые структуры на Юге России.

Предмет исследования – факторы формирования, взаимодействие и деятельность деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур, а также методы противодействия им на Юге России.

Гипотеза диссертационного исследования. На Юге России в условиях межэтнической и межконфессиональной напряженности возникают сетевым образом оформленные деструктивные структуры, которые пришли на смену традиционным иерархическим. Усиление их деструктивной деятельности обусловлено экзогенными и эндогенными факторами, уточнение которых необходимо при выработке и выборе стратегий предупреждения и дезинтеграции деструктивных сетевых структур на Юге России. Данные организации в решающий момент консолидируются, выполняют поставленные им задачи, а затем либо модифицируются в более совершенные формы, либо полностью растворяются. Сетевые структуры осуществляют свою деятельность автономно, а иногда во взаимодействии с другими аполитичными структурами через идеологические, финансовые, информационные каналы и каналы солидарности. В целях блокирования их, по сути, подрывной деятельности, для укрепления национальной безопасности России необходимо принимать разноплановые меры как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Теоретико-методологические основы исследования. Научная работа выполнена в рамках неоклассической модели социологического исследования, предполагающей плюрализм познавательных установок классической и неклассической науки. При решении научно-исследовательских задач, связанных с изучением факторов формирования деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур, а также методов противодействия, использовались положения классической модели социологического исследования, предметом которой являлась надындивидуаль-

ная и каузальная социальная реальность. Одновременно при изучении действий и взаимодействий деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур, наряду с методами классической науки использовались методы неклассической социологии, предметом исследования которой является индивидуальная социальная реальность.

Методологическое основание работы – сетевая теория, где сетевые структуры представляют собой самоорганизующиеся децентрализованные системы, действующие на основе взаимосвязанных узлов и ориентированы на решение поставленных задач. Главным методологическим принципом сетевой теории является модель связей в структуре сети в виде паттернов взаимодействия социальных акторов, которые отвечают за трансформации в построении сетевой структуры в ее будущей жизнедеятельности ввиду отсутствия четких границ деятельности.

Одним из эффективных способов изучения деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур является теория сетевых войн, разработанная американскими теоретиками А. Себровски и Дж. Гарстка, а впоследствии отечественными теоретиками в лице А.Г. Дугина и его учеников. Теория «сетевая структура» представлена как фундаментальная парадигма социальной организации в условиях информационного общества, являющая собой нелинейную, самоорганизующуюся, аморфную систему. Согласно данной теории для разворачивания конфликтов используются в том числе несиловые методы борьбы, где главными акторами выступают сетевым образом оформленные деструктивные сетевые структуры, наносящие вред социуму и безопасности государства, против которого они инспирируются. Исходя из этого, деструктивные сетевые структуры – это системы, деятельность которых основана на разрушении или нарушении деятельности жизненно необходимых для государства и членов социума общественных объектов и структур.

Еще одной методологической канвой в исследовании деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур является акторно-сетевой подход Б. Латтура, базирующийся на том, что жизнь людей состоит из множества связей не только друг с другом, но и с вещами. Согласно этому подходу «актанты» – это люди, предметы, то есть те, кто «вовлечен в действия».

При решении научно-исследовательских задач, связанных с выявлением экзогенных и эндогенных факторов формирования деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур, использовались принципы и методы социального детерминизма.

Один из эффективных способов изучения действий и взаимодействий деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур базировался на деятельностном и институциональном подходах.

В качестве методологической основы социологического изучения противодействия деструктивной деятельности исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур применялись частнонаучные юридические методы, такие как сравнительно-правовой, формально-юридический.

Эмпирическая база исследования. В работе были использованы результаты следующих социологических исследований: 1. Опрос ВЦИОМ, посвященный теме противодействия федеральной власти террористическим и экстремистским угрозам, проведенный в 2018 году²¹. 2. Социологическое исследование «Состояние гражданской идентичности населения Ростовской области и оценка им уровня межэтнической напряженности в 2017 году», проведенное филиалом ВЦИОМ по ЮФО по заказу Правительства Ростовской области в 2017 году. 3. Социологическое исследование «Состояние межнациональных отношений в Ростовской области в 2016 году», проведенное филиалом ВЦИОМ по ЮФО по заказу

²¹ «Террористическая угроза на сирийском фоне» // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3760 от 11.09.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9302> (дата обращения: 25.11.2018).

Правительства Ростовской области в 2016 году. 4. Социологическое исследование, проведенное ВЦИОМ и Институтом социологии РАН среди крымских татар в рамках реализации проекта «Социально-экономические и социально-культурные предпосылки напряжений и конфликтов в сфере межнациональных отношений» (2016 год)²². 5. Анонимный опрос «Представления молодежи о причинах развития терроризма», проведенный филиалом Московского финансово-промышленного университета «Синергия» в 2016 году среди студентов 1-3-х курсов Карачаево-Черкесского государственного университета и Северо-Кавказской гуманитарно-государственной технологической академии²³. 6. Социологическое исследование, проведенное Дагестанским научным центром РАН в 2014 году «Джихад в сознании дагестанцев»²⁴.

В диссертационном исследовании были проанализированы законодательные акты, связанные с противодействием терроризму и экстремальной деятельности в Российской Федерации, а также обеспечением национальной безопасности страны и регионов РФ²⁵.

²² Мукомель В.И., Хайкин С.Р. Крымские татары после «крымской весны»: трансформация идентичностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 51–68.

²³ Шмелькова Т.С. Представления молодежи о причинах развития терроризма // Коченовские чтения «Психология и право в современной России». Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. М., 2016. С. 32–34.

²⁴ Курбанов Х.Т. Коран, джихад и исламский экстремизм // Мусульманский мир. 2015. № 1. С. 63–72.

²⁵ Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утверждена Президентом РФ 05.10.2009 г.) // КонсультантПлюс. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92779/; Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 18.04.2018) «О противодействии терроризму» // КонсультантПлюс. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/4fdc493704d123d418c32ed33872ca5b3fb16936/; Концепция развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (утв. Президентом РФ 30.05.2018) // Президент России. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5310>; Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // КонсультантПлюс. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/; Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.11.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) // КонсультантПлюс. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/; Указ Президента Российской

В качестве источников эмпирической информации в диссертационной работе использовались статистические данные деятельности правоохранительных и правоприменительных структур, направленные на профилактику и нивелирование деструктивной деятельности исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур²⁶.

В диссертационном исследовании использовались доктрины идеологов исламизма и пантюркизма – Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб ат-Тамими, Абу Аля аль-Маудуди, Сайид Кутб, Таки ад-Дин Ибн Таймийя, Салих ибн Фаузан ибн Абдуллах аль-Фаузан²⁷.

Научная новизна диссертационного исследования:

1. Рассмотрены теоретические подходы и проблемы исследования деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сете-

Федерации «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // КонсультантПлюс. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/; Постановление Правительства Ростовской области от 16.01.2017 № 12 «О плане мероприятий на 2017–2018 годы по реализации в Ростовской области Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Официальный портал Правительства Ростовской области [Электронный ресурс] URL: <http://www.donland.ru/documents/O-Plane-meropriyatijj-na-2017---2018-gody-po-realizacii-v-Rostovskoj-oblasti-Strategii-gosudarstvennoj-nacii>; Постановление Правительства Чеченской республики от 19 декабря 2013 года n 317 «Об утверждении государственной программы Чеченской Республики «Развитие региональной политики и федеративных отношений в Чеченской Республике на 2014–2020 годы» (с изменениями на 7 августа 2018 года) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс] URL: <http://docs.cntd.ru/document/430606687>; Указ Главы Чеченской республики от 05 февраля 2016 года № 14 «О Концепции государственной национальной политики Чеченской Республики» // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс] URL: <http://docs.cntd.ru/document/432867330>; Распоряжение Правительства Ставропольского края от 14 марта 2016 года № 72-рп «О плане мероприятий по реализации в 2016–2018 годах в Ставропольском крае Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 года № 1666 (с изменениями на: 09.07.2018) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс] URL: <http://docs.cntd.ru/document/432973728>.

²⁶ Материалы Международной научно-практической конференция «Создание воспитательной антиэкстремистской и антитеррористической среды в современном вузе». Вестник Национального антитеррористического комитета. М., 2016. № 1 (14). С. 7.

²⁷ *Ibn 'Abd al-Wahhāb* / Laoust H. // *Encyclopaedia of Islam*. 2 ed. Leiden: E.J. Brill, 1986. Т. 3; Али-заде А.А. Маудуди Абу аль-Ала // *Исламский энциклопедический словарь*. М., 2007. 400 с.; *Ибн Таймийя* / Ибрагим Т. К. // *Новая философская энциклопедия* : в 4 т. М. 2010. Т. 1. 744 с.; Т. 2. 634 с.; Т. 3. 692 с.; Т. 4. 736 с.; С. Кутб. *Борьба ислама и капитализма* 1951. 345 с; Салех бин Фаузан аль-Фаузан. *Дружба и непричастность в исламе*. Баку, 1997. 38 с.

вых структур на Юге России; показано, что данная проблематика не являлась предметом концептуальных социологических исследований, и предложен авторский многомерный теоретико-методологический конструкт ее социологического исследования, ориентированный на выявление факторов формирования, взаимодействия и деятельности деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур, а также методов противодействия им в южнороссийском регионе.

2. Выявлены факторы формирования деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур на Юге России, которые разделены на две основные группы – экзогенные (геоидеологический, организационный, информационно-пропагандистский, геополитический, финансовый, миграционный) и эндогенные (этноконфессиональный, этнонациональный, социально-экономический, психологический).

3. Определена социальная база деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур на Юге России, обусловленная набором ценностных и идеологических предпочтений, социально-демографических характеристик.

4. Выявлены религиозно-идеологические, информационные, солидаристские и финансовые каналы взаимодействия деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур в южнороссийском регионе, а также характер методов их деятельности.

5. Рассмотрены основные методы повышения эффективности противодействия деятельности деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур на Юге России, ориентированные на максимальное сокращение их социальной базы и связанные, прежде всего, с решением социально-экономических проблем в регионе в совокупности с мерами законодательного и идеологического характера.

Положения, выносимые на защиту:

1. Специфический характер деструктивной деятельности исла-

мистских и тюркско-исламистских сетевых структур, их взаимодействие и факторы формирования на Юге России не являлись предметом концептуальных социологических исследований, что определило разработку авторского методологического конструкта исследования данной проблематики с учетом накопленного теоретического потенциала в научно-исследовательских практиках, базирующихся на положениях сетевого, акторно-сетевого подходов, теории сетевых войн. Их применение в социологической стратегии исследования деструктивной деятельности исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур реализуется в рамках неоклассической модели научного исследования, принципов детерминизма и реализма, с позиций которых деструктивные исламистские и тюркско-исламистские сетевые структуры представляются как подлинная социальная реальность, обусловленная деятельностью не отдельных индивидов, а целых социальных групп, в данном случае – сетевых структур. Положения антропологизма и номинализма, составляющие также методологическую основу, позволяют определить влияние указанных структур на этноконфессиональную напряженность. В методологических рамках данного исследования сетевые структуры рассматриваются как типы взаимосвязи самоорганизующихся децентрализованных элементов, которые действуют на основе взаимосвязанных социальных узлов и ориентированы на решение поставленных задач. Под деструктивными сетевыми структурами понимается тип взаимодействия элементов, деятельность которых основана на разрушении или нарушении деятельности жизненно необходимых для государства и населения общественных объектов и структур. Исламистские сетевые структуры – это тип взаимосвязи социальных субъектов, объединенных на основе идеологии радикального исламизма. Тюркско-исламистские сетевые структуры – это тип взаимосвязи социальных субъектов, объединенных на основе пантюркистской идеологии.

2. Факторы формирования деструктивных сетевых структур подразделяются на экзогенные и эндогенные факторы. К экзоген-

ным факторам относятся: 1) геоидеологический, представляющий собой интеграцию деструктивных сетевых структур на основе единой идеологии радикального исламизма и пантюркизма и общности идеологических постулатов; 2) организационный фактор, обуславливающий особенности сетевого строения деструктивных исламистских и тюркско-исламистских структур и связи между акторами; 3) информационно-пропагандистский фактор, определяющий комплекс действий и технических средств, направленных на изменение сознания противника и внедрение психологических установок; 4) геополитический фактор, представляющий собой условия, обуславливающие внешнюю политику государств, имеющих притязания на регионы Юга России; 5) финансовый фактор, влияющий на внешний оборот материальных средств в исламистских и тюркско-исламистских сетевых структурах; 6) миграционный фактор, подразумевающий социальные условия, обуславливающие перемещение населения в регионы Юга России и последующее изменение социально-политической обстановки. Среди эндогенных факторов формирования выделяются: 1) этноконфессиональный фактор, представляющий собой условия, способствующие интеграции акторов деструктивных сетевых структур на Юге России на основе их уникальной религиозной и национальной идентичности; 2) этнонациональный фактор, подразумевающий условия, способствующие интеграции представителей деструктивных исламистских и тюркско-исламистских групп на территории их компактного проживания; 3) социально-экономический фактор, влияющий на материальное и социальное благополучие населения Юга России, неблагоприятным условием которого является наступление экономического кризиса в регионе, приводящего к неустойчивости общественных отношений; 4) психологический фактор, оказывающий влияние на поведенческие мотивы, деятельность и взаимодействие акторов внутри исламистских и тюркско-исламистских групп.

3. Социальная база исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур на Юге России представляет собой тип взаимоот-

ношений, который определяется набором ценностных предпочтений и социально-демографических характеристик. Основу деструктивных исламистских сетевых структур представляет преимущественно молодежь в возрасте от 18 до 35 лет. По социально-экономическому положению исламистские структуры состоят в основном из малообеспеченных и неработающих слоев населения, молодых людей без образования. Однако в рядах исламистов представлена также и молодежь из обеспеченных семей. Доля таких людей в деструктивных исламистских сетевых структурах составляет около 10%. В деструктивной деятельности исламистские сетевые структуры на Юге России опираются на идеологию исламского радикализма. В ее основу входят два понятия: такфир – обвинение в неверии и джихад – священная война за веру. Социальную базу тюркско-исламистских сетевых структур в основном составляет образованная и обеспеченная молодежь, которая стремится получить работу и закрепиться во властных и силовых структурах, однако нередко социальную базу данных сетевых структур пополняют молодые люди без образования и с низким социально-экономическим статусом. Деструктивные тюркско-исламистские сетевые структуры придерживаются идеологии пантюркизма, в основе которой лежат идеи о необходимости интеграции тюркских народов на базе их этнической, культурной и языковой общности. Пантюркистская идеология представляет собой разновидность исламского национализма, где баланс между национальными и религиозными факторами всегда складывается в пользу этнической принадлежности. Однако адепты пантюркистской идеологии с помощью исламского фактора вовлекают в свою орбиту нетюркские народы. К тюркско-исламистским деструктивным сетевым структурам относят представителей тюркоязычных народностей. Особую группу деструктивных тюркско-исламистских сетевых структур составляют крымские татары. По своему вероисповеданию они являются мусульманами-суннитами ханифитского толка, выразителями пантюркистской идеи о создании всемирного «тюркско-исламского

союза». Деструктивные тюркско-исламистские структуры находят поддержку в проведении акций у адыгских народностей Юга России в виде многочисленной и влиятельной адыго-черкесской диаспоры.

4. Взаимодействие деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур происходит через идеологические, финансовые, информационные каналы и каналы солидарности. Главным принципом объединения исламистских и тюркско-исламистских деструктивных сетевых структур является их приверженность постулатам исламской религии, которая в зависимости от акторов ее распространения имеет разную окраску (у северо-восточных народов Кавказа – арабское влияние, у северо-западных – турецкое). Кроме того, степень исламизации у народов Юга России различна, неуклонно понижаясь с востока на запад. Финансирование деструктивной деятельности исламистских и тюркско-исламистских структур имеет внешние и внутренние каналы, с преобладанием первых. Внешнее финансирование представляет собой материальную поддержку, получаемую от религиозных учреждений, диаспор, международных коммерческих и некоммерческих организаций, деструктивных организаций. Информационное взаимодействие исламистских и тюркско-исламистских структур как внутри каждой группы, так и между собой заключается во взаимном размещении на своих интернет-ресурсах и форумах материалов, содержащих религиозную и пропагандистскую литературу, сведения о проводимых акциях, о пособнической базе для дальнейшего обмена членами групп. Исламисты и тюркские исламисты для достижения своей главной цели – построения единого исламского государства, основанного на шариатском правлении, используют самые разнообразные по характеру своей деятельности методы: умеренно-радикальные и ультрарадикальные. Исламистские деструктивные сетевые структуры в своей деятельности в основном используют методы вооруженной борьбы. Отметим, что на сегодняшний момент на территории Юга России отсутствуют умерен-

но-радикальные сетевые исламистские структуры. Однако можно зафиксировать отдельные носители идеологии, которые принадлежат к умеренному крылу, но при этом они не объединяются в отдельно взятые деструктивные сетевые организации. Тюркско-исламистские сетевые структуры используют в своей деятельности методы умеренно-радикального характера, заключающиеся в эволюционном и бескровном способе насаждения идей построения исламского государства. Солидаристские практики между исламистскими и тюркско-исламистскими сетевыми структурами заключаются в обучении и пропаганде, а также в вербовке исламистскими структурами отдельных представителей тюркских ячеек.

5. При разработке и выборе методов предупреждения и противодействия активности сетевых деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур на Юге России были выбраны формальные практики противодействия. Законодательные методы направлены на: обнаружение и ликвидацию причин, способствующих появлению и дальнейшему развитию сетевых исламистских и тюркско-исламистских структур; привлечение к уголовной и административной ответственности акторов, совершающих преступления против государства. Политические методы включают в себя меры по: урегулированию безопасности общественного и политического равновесия в регионе; повышению эффективности деятельности органов управления всех уровней; налаживанию конструктивного диалога между государственной властью и общественными этноорганизациями с привлечением старейшин и религиозных лидеров; выработке этноконфессиональной политики, при которой одна из главных задач – дерадикализация религиозности и преодоление изоляционизма внутри религиозных сообществ посредством институционального развития системы религиозного образования; активизации ежегодного мониторинга межэтнических и межрелигиозных процессов и настроений; осуществлению идеологической и пропагандистской работы среди молодых людей, направленной на пресечение распространения исла-

мизма и пантюркизма, а также формирование отрицательной позиции по отношению к деятельности деструктивных структур исламистов и тюрко-исламистов. Методы по сокращению финансовой подпитки деструктивных структур направлены на создание технологий, позволяющих блокировать деятельность и в дальнейшем «разорить» внутренние экономические субъекты, составляющие материальную базу деструктивных сетевых структур. Блокирование противодействия, возникшего в результате негативного воздействия демографо-миграционного фактора, возможно благодаря усилению мер по улучшению жизненного уровня населения на Юге России, включая разработку программ для борьбы с безработицей.

Теоретическая и научно-практическая значимость диссертационного исследования. Результаты проведенного исследования и разработанный автором методологический инструментарий и материалы для дальнейших эмпирических исследований, их основные выводы позволили получить приращение научного знания. Теоретическая значимость исследования заключается в целостной разработке концепции социологического исследования, позволяющей рассмотреть факторы формирования, взаимодействия, деятельности и методов противодействия деструктивным исламистским и тюркско-исламистским сетевым структурам, действующим на Юге России, а также уточнить базовые для данной диссертационной работы понятия. Результаты, полученные в ходе исследования, можно использовать в виде методологических и объяснительных конструкторов при исследовании причин, взаимодействия, деятельности и методов противодействия деструктивным исламистским и тюркско-исламистским сетевым структурам в других российских регионах.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что его результаты можно применить при разработке стратегии противодействия деструктивной деятельности исламистских и тюркско-исламистских структур, что в свою очередь будет способствовать нормализации межэтнических и межконфес-

сиональных отношений, а также социально-политической обстановке в изучаемом регионе.

Результаты и материалы, полученные в ходе диссертационного исследования, могут быть использованы государственными органами на всех уровнях власти для усиления противодействия деструктивной деятельности исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур на Юге России.

Теоретические обобщения и выводы могут быть использованы для разработки образовательных программ и специальных курсов «Социология», «Социальная конфликтология», «Этнополитология».

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования были изложены на региональных, международных, всероссийских научных и научно-практических конференциях и семинарах, к числу которых относятся: II Международная научно-практическая конференция «Кавказ – наш общий дом» (г. Ростов-на-Дону, 24 сентября 2010 г.); Круглый стол «Основы традиционного ислама как способ разоблачения и дискредитации радикальных религиозных течений» (г. Ростов-на-Дону, 29 мая 2014 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Регулирование миграционных процессов на Юге России: политические, юридические и правоохранные аспекты» (г. Ростов-на-Дону, 6 октября 2014 г.); Всероссийский научный форум «Мир Кавказу» (г. Ростов-на-Дону, 20-22 ноября 2014 г.); Всероссийская научно-теоретическая конференция «Идеология терроризма и экстремизма в глобальном и региональном измерениях: вызовы национальным интересам» (г. Ростов-на-Дону, 4 декабря 2014 г.); Международная междисциплинарная научно-практическая конференция «Патриотизм как фактор национальной безопасности» (г. Ростов-на-Дону, 7-8 апреля 2015 г.); Всероссийская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Путь в науку» (г. Ростов-на-Дону, 7-9 апреля 2015 г.); Всероссийская научно-теоретическая конференция курсантов и слушателей МВД России, студентов гуманитарных вузов, адъюнктов, аспирантов и

соискателей «Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке (г. Ростов-на-Дону, 9 апреля 2015 г.); Международная конференция «Научное обеспечение регионального развития» (г. Ростов-на-Дону, 23-24 апреля 2015 г.); Всероссийская научно-практическая конференция X Ковалевские чтения «Россия в современном мире: взгляд социолога» (г. Санкт-Петербург, 13-15 ноября 2015 г.); Всероссийская конференция «Нациестроительство и модели национальной интеграции в России» (г. Ростов-на-Дону, 14-15 апреля 2016 г.); Международная научная конференция «Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке (к 100-летию Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского)» (г. Санкт-Петербург, 10-12 ноября 2016 г.); Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Патриотизм, гражданственность и солидаристские практики в региональных сообществах на Юге России» (г. Ростов-на-Дону, 22-23 ноября 2018 г.).

Основные положения диссертационного исследования отражены в 20 научных публикациях, в том числе в 4 изданиях из перечня ВАК при Минобрнауки РФ. Общий объем публикаций составляет около 8,5 п.л.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих шесть параграфов, заключения, списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность выбранной темы диссертационного исследования, характеризуется степень ее научной разработанности в социально-гуманитарном знании, определяются исследовательские цель и задачи, объектно-предметная область научного исследования, выдвигается гипотеза, описывается теоретико-методологическая база диссертационного исследования, представляются элементы научной новизны и положения, выноси-

мые на защиту, излагается теоретическая и практическая значимость, структура работы, проводится апробация научного исследования.

Глава I **«Деструктивные исламистские и тюркско-исламистские сетевые структуры на Юге России: теоретико-методологические проблемы социологического исследования»** посвящена анализу базовых теоретических концепций, сложившихся в гуманитарной науке, что позволило разработать многомерный теоретико-методологический конструкт исследования деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур, а также вывести рабочие понятия.

В параграфе 1.1 **«Деструктивные исламистские и тюркско-исламистские сетевые структуры: теоретические проблемы научных исследований»** сделан вывод: при изучении деструктивной деятельности исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур научный интерес к социально-гуманитарному знанию был направлен на исследование этапов, причин и факторов формирования исламистов и тюркистов в южном регионе. Возникновение этноконфессиональной напряженности, которая обусловлена мозаичным религиозным и этническим составом народов Юга России, стало предтечей появления научных работ, посвященных вопросам регулирования на законодательном, правовом, социально-экономическом и идеологическом уровнях специфических форм и методов деструктивной деятельности исламистов и тюркистов. Одним из основных вопросов, который также волнует исследователей, является деструктивная деятельность социально-политических организаций, имеющих влияние на крымско-татарское общество. Несмотря на значимость указанной проблематики, надо подчеркнуть, что в отечественной гуманитарной науке крымский вопрос недостаточно изучен, особенно не исследована деятельность данных организаций в условиях «русского Крыма». Кроме того, существует проблема отсутствия современной научной литературы, где был бы исследован вопрос деятельности исламистских структур

нового формата. Исходя из проделанного анализа научной литературы, можно сделать вывод, что специфический характер деструктивной деятельности исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур, их взаимодействие как внутри каждой структуры, так и между собой, факторы формирования, методы противодействия деструктивной деятельности не являлись предметом отдельных социологических исследований.

В параграфе 1.2 *«Методологический конструкт социологического исследования деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур»* разработан теоретико-методологический конструкт социологического исследования деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур в рамках неоклассической модели социологических исследований. Парадигмальным основанием для изучения деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур является сетевой подход. В рамках этого подхода сетевые структуры представляют собой типы взаимосвязи самоорганизующихся децентрализованных элементов, которые действуют на основе взаимосвязанных социальных узлов и ориентированы на решение поставленных задач²⁸. Под деструктивными сетевыми структурами мы понимаем тип взаимодействия элементов, деятельность которых основана на разрушении или нарушении деятельности жизненно необходимых для государства и членов социума общественных объектов и структур. Исламистские сетевые структуры – это тип взаимосвязи социальных субъектов, объединенных на основе идеологии радикального исламизма. Тюркско-исламистские сетевые структуры – это тип взаимосвязи социальных субъектов, объединенных на основе пантюркистской идеологии. Также основу методологии данного научного исследования составляет акторно-сетевой подход, где сетевая структура представляет собой совокупность актантов, которые взаимодействуют в едином пространстве и

²⁸ Губанов Д.А., Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства М., 2010. С. 4.

направлены на решение общей задачи. Согласно этому подходу «актанты» – это люди, предметы, то есть те, кто «вовлечен в действия»²⁹. Теория сетевых войн³⁰ также является методологической канвой исследования деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур. На базе этой теории основано понимание, что для ведения войн нового поколения необходимо использовать сетевые модули социальных организаций, таких как террористические сообщества, экстремистские организации.

Изучение факторов формирования деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур базируется на теории факторов³¹ и методов социального детерминизма³². В рамках первой возникновение деструктивных структур обуславливается изменением состояния социальной системы, при условии воздействия какого-либо явления, определяющего трансформации. С точки зрения концепции социального детерминизма появление в социуме структур нового качества и строения происходит в процессе совместной деятельности индивидов, что имеет свою причину и следствие. Таким образом, автор приводит к выводу, что факторы формирования деструктивных сетевых структур представляют условия, определяющие возникновение в социальной среде групп субъектов, имеющих общую цель и осуществляющих деятельность, основанную на дестабилизации функционирования общественных систем и государства.

Для изучения действий и взаимодействий деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур в качестве основных были определены положения деятельностного и институционального подходов. В рамках деятельностного подхода действия и взаимодействия между деструктивными структурами опре-

²⁹ Латур Б. Об интеробъективности // Социологическое обозрение. 2007. № 2. С. 79–96.

³⁰ Дугин А.Г. Сетецентричные войны // Вестник аналитики. Ростов н/Д., 2005. № 10. С.88.

³¹ Добренков В.И. История социологии. Книга 1. История социологии (XIX–первая половина XX в.). В 3 кн. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 142.

³² Гобозов И.А. Социальный детерминизм. Поиски движущих сил общественного развития. М., 2010 [Электронный ресурс] URL: http://society.polbu.ru/gobozov_social-philosophy/ch10_all.html (дата обращения: 01.10.2017). С. 82.

деляются как активный процесс отношений субъекта с объектом, при котором они целенаправленно воздействуют друг на друга в процессе обратной связи, удовлетворяя какие-либо свои потребности, достигая цели. Согласно институциональному подходу «опри-выченные» повторяющиеся действия отдельных деструктивных социальных элементов в реальном времени и пространстве обеспечивают устойчивое функционирование деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур, которые впоследствии институционализируются.

В главе II **«Факторы формирования и социальная база деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур на Юге России»** проанализированы экзогенные и эндогенные факторы, оказавшие влияние на формирование в регионе деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур. Также здесь определена социальная база указанных структур, обусловленная набором ценностных и идеологических предпочтений, социально-демографических характеристик.

В параграфе 2.1 **«Экзогенные и эндогенные факторы формирования деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур на Юге России»** факторы формирования деструктивных структур определяются автором как условия возникновения в социальной среде групп субъектов, которые имеют общую цель и осуществляют деятельность, основанную на дестабилизации функционирования общественных систем и государств. Среди экзогенных факторов выделяются: геополитический, организационный, информационно-пропагандистский, геополитический, финансовый, миграционный. К эндогенным факторам формирования относятся: этноконфессиональный, этнонациональный, социально-экономический, психологический.

Автор солидарен с позицией исследователей, которые отводят главную роль этноконфессиональному и этнонациональному эндогенным факторам. Это объясняется, прежде всего, тем, что принадлежность к национальной и религиозной идентичности является

для народов Юга России детерминирующей. Тяготее к сохранению специфики своей идентичности, исламское население особо ценным для себя считает коллективную солидарность людей, базирующуюся на инкорпоративности и ценностной системе общественных институтов, таких как семья, род, община, обычаи, нравственность, адатное право, общественное мнение и социальные практики, включающие в том числе и кровную месть³³. Данное обстоятельство активно применяется членами этно-экстремистских и террористических сетевых структур для вовлечения и интеграции в свои ряды новых молодых акторов.

Кроме того, обосновывается значимость социально-экономического фактора, приводящего к кризисам и падению уровня жизни большей части населения региона, что является также немаловажной причиной участия молодых людей в подрывной деятельности. Поведение молодежи обусловлено социальной несправедливостью, отсутствием возможности заработать и занять устойчивую социальную позицию. В этой связи в период социально-экономических кризисов адептами деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур, использующими психологическую неустойчивость молодежи с целью вовлечения их в свою орбиту, приводятся примеры идеологической, религиозной и культурной идентичности народов Юга России, затрагиваются больные струны исторической памяти³⁴.

Так, результаты социологического исследования, проведенного среди студентов 1-3-х курсов Карачаево-Черкесского государственного университета и Северо-Кавказской государственной гуманитарно-технологической академии в 2017 году, которое было направлено на выявление представлений молодых людей о причинах их возможной вовлеченности в радикальные структуры, пока-

³³ *Нанаева Б.Б.* Традиционное общество чеченцев: социокультурный анализ. М., Ростов н/Д., 2011. С. 52.

³⁴ *Гурба В.Н.* Терроризм в регионах адатных культур (на примере Северо-Кавказского региона.. Автореф. дис. ... д-ра соц. наук. Новочеркасск, 2011. С. 15; *Лунев В.В.* Терроризм и экстремизм как проявление радикализма в исламе. Челябинск, 2003. С. 34-35.

зали, что «в качестве главных молодые респонденты обозначили психологические причины – 62%, среди которых наиболее распространены подверженность внешнему влиянию (22%) и неуравновешенная психика (18%). Кроме того, молодые люди выделили влияние социальных (20%), экономических (6%) и религиозных факторов (4%). В результате исследования также были выявлены мотивы вовлечения молодежи в террористическую деятельность. Среди них: желание избавиться от различного рода чувств, таких как обида, одиночество, – 46%, желание самоутвердиться – 32%, другие психологические мотивы (внушаемость, жажда власти и др.) – 10%, корыстные побуждения – 8%, исходя из соображения престижности, повышения своего авторитета среди сверстников – 4%»³⁵.

Таким образом, делается вывод, что существует прямая связь факторов между собой, а также их влияние на рост социальной базы молодых членов деструктивных структур.

В параграфе 2.2 *«Социальная база деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур на Юге России»* под социальной базой деструктивных сетевых структур понимается тип взаимоотношений между членами структур, характеризующийся определенным набором социальных качеств, ценностных, ментальных и идеологических предпочтений. Исследуя социальную базу деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур, можно понять условия, причины и динамику распространения экстремистской и террористической деятельности, в том числе способ вовлечения членов в ряды деструктивных структур.

Социальную базу деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур, согласно данным Национального антитеррористического комитета, составляет молодежь от 18 до

³⁵ Семенова Ф.О., Шмелькова Т.С. Представления молодежи о причинах развития терроризма // Коченовские чтения «Психология и право в современной России». Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. М., 2012. С. 32–34.

35 лет, мужчины в возрасте от 25 до 35 лет (более 50%). В республике Дагестан в рамках проведения антитеррористических операций в 2010 году среди убитых доля молодых людей от 15 до 30 лет составляла 76%, в 2012 году – 71,2%, в 2016 году – 70,1%³⁶. Кроме того, определяется, что исламистское движение сформировано в основном из безработных, не имеющих начального и высшего образования людей, а также молодежи, которая была воспитана в неполных семьях. Однако в деструктивные исламистские группы вовлечена и молодежь устойчивого социального статуса, с высшим образованием. Доля такой молодежи в указанных группах составляет около 6%³⁷. Социальную базу молодых тюркистов составляют в основном обеспеченные и образованные люди, имеющие возможность занять социальную нишу в чиновничьих и силовых организациях. Однако нередко встречаются молодые люди, которые не имеют высшего образования и высокого материального статуса. По данным исследований, 80% молодых адептов, примкнувших к рядам тюркистов, – дети высокопоставленных лиц, не сталкивавшиеся с материальными проблемами³⁸.

Таким образом, подчеркивается, что именно такая социальная группа, как молодежь, является мишенью для вовлечения в состав подрывных групп по причине рискогенности, обусловленной отсутствием жизненного опыта, неустойчивости эмоционального состояния и ввиду отсутствия достаточных материальных средств.

Отмечается, что исламистские деструктивные сетевые структуры являются адептами идеологии исламского радикализ-

³⁶ Материалы Международной научно-практической конференции «Создание воспитательной антиэкстремистской и антитеррористической среды в современном вузе» // Вестник Национального антитеррористического комитета. М., 2016. № 1 (14). С. 7.

³⁷ Материалы Международной научно-практической конференции «Создание воспитательной антиэкстремистской и антитеррористической среды в современном вузе». Вестник Национального антитеррористического комитета. М., 2016. № 1 (14). С. 7.

³⁸ *Ярлыкапов А.А.* «Исламское государство» и Северный Кавказ в ближневосточной перспективе: вызовы и уроки для России // Международная аналитика. 2016. № 3 (17). С. 112–121.

ма, в основе которой – две основополагающие дефиниции: «такфир» (обвинение в неверии) и «джихад» (священная война за веру). Ученые Дагестанского научного центра РАН указывают на то, что «77,4% респондентов считают, что джихад – это борьба за веру, не предполагая при этом милитаристского оттенка; 4,4% опрошенных считает, что «джихад – это война за установление шариата»; 3% считают джихад «распространением ислама военным путем», а 4,6% опрошенных полагает, что «джихад – это война с неверными»³⁹. Отмечается многообразие национального состава исламистов: представители северокавказских республик, азиатских регионов, а также ближневосточных стран.

Деструктивные тюркско-исламистские сетевые структуры являются адептами пантюркистской идеологии, на базе которой сформированы идеи о необходимости консолидации тюркоязычных народов на основе этнической, культурной и языковой общности. Пантюркистская идеология является разновидностью исламского национализма, где стрелка между этническими и религиозными факторами всегда указывает в сторону этнической принадлежности. Приверженцы пантуранизма с помощью мусульманской религии привлекают в свои ряды нетюркские народы.

В главе III **«Взаимодействие, деятельность деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур и методы противодействия им на Юге России»** поднимается вопрос о каналах взаимодействия деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур, а также о формах специфической деятельности и методах противодействия ей.

В параграфе 3.1 **«Взаимодействие и деятельность деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур на Юге России»** делается следующий вывод: взаимодействие деструктивных исламистских и тюркско-

³⁹ Курбанов Х.Т. Коран, джихад и исламский экстремизм // Мусульманский мир. 2015. № 1. С. 63–72.

исламистских сетевых структур осуществляется через различные каналы: идеологические, финансовые, информационные и каналы солидарности.

Идеологический канал взаимодействия предполагает интеграцию указанных структур на основе монотеистической исламской религии. Мусульманство, в представлении адептов, является не только верой, но и образом жизни, правилами быта, ментальностью, обусловленными нормами шариата. Уточняется, что ислам на территорию Юга России был привнесен извне различными акторами (турками, арабами, монголами). В этой связи делается вывод, что мусульманская религия имеет разный окрас (на северо-восточном Кавказе – арабское влияние, на северо-западном – турецкое) и степень исламизации ослабляется с востока на запад. Согласно данным, полученным в результате социологического исследования, проведенного информационным агентством «Caucasus Times» в 2010 – 2016 годах, на Юге России 62% опрошенных жителей заявили о важности религии в их жизни. При этом наибольшую роль религия играет для населения Чечни (81%) и Ингушетии (68%), а для жителей Кабардино-Балкарии – лишь 42%⁴⁰.

Необходимость финансовых каналов обусловлена потребностью материального обеспечения, направленного на подготовку к подрывным акциям, обучение членов группы, пропаганду учений. Делается вывод, что благодаря глобализации мировой экономики и сетевому оформлению деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур взаимодействие происходит оперативно с привлечением внешних акторов. В этой связи отмечается активное финансовое взаимодействие на территории Юга России между исламистскими и тюркско-исламистскими деструктивными сетевыми структурами. Объединяющим признаком является то, что все финансовые

⁴⁰ Текушев И., Шевченко К. Ислам на Северном Кавказе: история и современность. Прага, 2017. С. 11–12.

средства поступают из-за рубежа: США и стран Ближнего Востока.

Наличие информационных каналов активности деструктивных сетевых структур свидетельствует о значительной информационной базе для совершения подрывной деятельности. На этом основании делается важный вывод: деструктивные сетевые структуры являются реальными структурами, использующими информационные средства и каналы коммуникаций для достижения своих целей.

Для достижения главной цели – построения исламского государства, основанного на шариатском правлении, исламистские и тюркско-исламистские сетевые структуры используют различные методы, как умеренно-радикальные, так и ультрарадикальные. Необходимо подчеркнуть, что в современных реалиях на территории Юга России отсутствуют умеренно-радикальные сетевые исламистские структуры. Иногда можно обнаружить отдельные носители идеологии, принадлежащие умеренному крылу, но при этом они не объединены в отдельно взятые деструктивные сетевые организации. Тюркско-исламистские сетевые структуры используют в своей деятельности методы умеренно-радикального характера. Согласно социологическим исследованиям уровень религиозного радикализма среди крымских татар невысокий, однако 20% населения этой этнической группы изъявляет желание жить в религиозном государстве. Крымские татары относятся к ИГИЛ (ДАИШ) достаточно негативно: 2% – поддерживают существование этой организации; 45% процентов считают членство в этой организации жизненной ошибкой; 29% – преступлением против религии⁴¹.

Однако при неблагоприятной для России ситуации ее оппонентами этно-экстремистские структуры могут быть использова-

⁴¹ Мукомель В.И., Хайкин С.Р. Крымские татары после «крымской весны»: трансформация идентичностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 51–68.

ны в условиях вооруженной борьбы. Стоит также подчеркнуть, что ячейки одной и той же организации могут вести себя по-разному в разных странах: в одном государстве они могут действовать бескровно, а в другом – с применением оружия.

Каналы солидарности между исламистскими и тюркско-исламистскими сетевыми структурами, безусловно, играют большую роль в осуществлении деструктивной деятельности указанных структур. Солидаристские практики заключаются в основном в обучении и пропаганде, а также последующей вербовке исламистскими структурами отдельных представителей.

В параграфе 3.2 *«Методы противодействия деструктивной деятельности исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур на Юге России»* отмечается, что при разработке методов предупреждения и противодействия деструктивной деятельности деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур применялись формальные практики противодействия. В их основе лежит легальное принуждение, которое эффективно при возникновении экстремальных ситуаций. Как представляется, такая борьба с экстремистской и террористической активностью должна быть скоординирована в русле практических мер по блокированию деятельности исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур, которые условно могут быть разделены на пять приоритетных методов: 1) законодательные методы; 2) политические методы; 3) идеолого-пропагандистские методы; 4) методы противодействия финансовой подпитке деструктивных сообществ; 5) методы противодействия проблемам, возникшим в результате отрицательного влияния демографо-миграционного фактора.

С точки зрения автора, в настоящее время в связи с разрастанием террористической и экстремистской угрозы, наблюдающейся в современном мире, существует необходимость усилить систему нивелирования и противодействия деструктивным сетевым структурам, разработать новые стратегии предупреждения и

дезинтеграции подрывных организаций на Юге России или направить все силы на усовершенствование уже имеющихся. В этом случае играет важную роль профилактика надвигающейся угрозы. Подчеркивается, что профилактические мероприятия должны включать, прежде всего, работу с молодым населением, а именно возрождение в молодежной среде духовно-нравственного и идеологического начал. Главной задачей должно быть недопущение распространения исламистских и тюркистских радикальных идеологий. В этой связи необходимо совершенствовать образование в исламской среде, а также проводить идеологические мероприятия.

Следует отметить, что для совершенствования деятельности по блокированию социальной базы исламистов и тюркистов следует использовать практику зарубежных стран Ближнего Востока и Европы.

Сделан вывод: на сегодняшний момент методы и профилактика противодействия деструктивной деятельности исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур, реализуемые органами управления, правоохранительными и законодательными организациями, приводят к эффективности снижения этнонациональных конфликтов и максимальному сокращению социальной базы. Это связано, прежде всего, с решением социально-экономических проблем, совершенствованием национальной политики, а также мерами законодательного и идеологического характера.

Автором осуществлен анализ проведения мероприятий в рамках реализации государственной национальной политики в Ростовской области, Ставропольском крае и республике Чечня. В указанных регионах проводятся общественные слушания, «круглые столы», научно-практические конференции по вопросам противодействия проявлениям ксенофобии, экстремизма и укрепления межнационального согласия, организации различных праздников и фестивалей, призванных к объединению наро-

дов. Кроме того, органами власти осуществляется мониторинг территорий, где наиболее всего вероятны этноконфессиональные конфликты.

Автор, опираясь на результаты социологических исследований, анализирует эффективность проведения национальной политики в Ростовской области. Отмечается, что существенно уменьшились масштабы миграции, вырос уровень жизни населения, улучшилась работа местных администраций и правоохранительных органов. Результаты опроса демонстрируют, что 79% респондентов позитивно оценивают межэтнические отношения в местах их проживания; 42% опрошенных, отмечая спокойное состояние сферы межэтнических взаимодействий, вместе с тем указывают на сохраняющиеся между разными этническими группами культурные и языковые различия. Также делается вывод, что деятельность органов муниципальной власти в сфере регулирования межэтнических отношений населения в донском регионе в целом оценивается положительно – 57%, 21% негативно оценил работу местных властей в данной сфере⁴². Согласно опросу областного населения, проведенному годом ранее (2016 год), доля проблемных оценок была выше – 23%, что указывает на определенную положительную динамику в сфере межэтнических взаимодействий⁴³.

В завершении параграфа подчеркивается, что применение комплексного и систематизированного подходов, направленных на противодействие деструктивным исламистским и тюркско-исламистским сетевым структурам, должно привести к сокращению социальной базы данных организаций.

В Заключении подводятся итоги диссертационного исследования и намечаются пути дальнейшего изучения проблемы.

⁴² Аналитический отчет «Состояние гражданской идентичности населения Ростовской области и оценка им уровня межэтнической напряженности в 2017 году» по заказу Правительства Ростовской области ГК № 295 от 18.07.2017 // ВЦИОМ по ЮФО. С. 124–127.

⁴³ Аналитический отчет «Состояние межнациональных отношений в Ростовской области в 2016» // ВЦИОМ, филиал по ЮФО. Ростов н/Д., 2016. С. 6.

**Основное содержание диссертации отражено
в следующих публикациях:**

***Научные статьи, опубликованные в изданиях перечня ВАК
при Министерстве образования и науки РФ:***

1. *Добаев И.П., Круглова А.Ю.* Ислам и миграции в Европе: уроки для России // *Философия права.* 2015. № 1 (68). С. 104–108. 1 п.л. (в том числе авт. 0,5 п.л.).
2. *Добаев И.П., Круглова А.Ю.* Идеологические основы радикального исламизма // *Философия права.* 2015. № 2 (69). С. 15–19. 1 п.л. (в том числе авт. 0,5 п.л.).
3. *Круглова А.Ю.* Деструктивные исламистские и тюркско-исламистские сетевые структуры на Юге России как предмет социологических исследований // *Гуманитарий Юга России.* 2019. № 1. (отданы в печать) 0,5 п.л.
4. *Круглова А.Ю.* Социальная база деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур на Юге России // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки.* 2019. № 1. (отданы в печать). 0,5 п.л.

Другие издания:

5. *Круглова А.Ю.* Терроризм самоубийц как социально-политическое явление на Северном Кавказе // *Сборник материалов и докладов II международной научно-практической конференции «Кавказ – наш общий дом» (23-24 сентября 2010 г. Ростов-на-Дону) / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2010. С. 295–298. 0,25 п.л.*
6. *Круглова А.Ю.* «Soft Power в геополитике Запада на Юге России» // *Студенческий Олимп-10/11. Материалы региональных научных студенческих конференций (23 апреля 2010 г. / 21–22 апреля 2011 г. Ростов-на-Дону). / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2011. С. 36–41. 0,3 п.л.*
7. *Круглова А.Ю.* Основные концепции осмысления феномена «сетевая война» // *Путь в науку: Молодые ученые об актуальных проблемах социальных и гуманитарных наук. / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д., 2013. № 12–13. С. 96–104. 0,4 п.л.*
8. *Круглова А.Ю.* Сетевые войны и геополитика на Юге России // *Философия права.* 2014. № 6 (67). С. 96–99. 0,4 п.л.
9. *Круглова А.Ю.* Украинский кризис как следствие сетевых войн // *Украинский кризис: предварительные заметки / Южнороссийское обозрение / Отв. ред. В.В. Черноус. М.–Ростов н/Д.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2014. № 83. С. 148–158. 0,6 п.л.*
10. *Круглова А.Ю.* Неправительственные и некоммерческие организации как угрозы и вызовы национальной безопасности РФ // *«Мир Кавказу». Результаты исследований и материалы всероссийского научного форума (20-22 ноября 2014, г. Ростов-на-Дону) / Отв. ред. А.В. Сериков. Ростов н/Д.: Изд-во «Фонд науки и образования», 2014. С. 212–217. 0,25 п.л.*

11. *Круглова А.Ю.* Сетевые структуры террористов на Северном Кавказе // Юрист-правовед. 2014. №5 (66). С. 111–113. 0,3 п.л.

12. *Круглова А.Ю.* «Дружба и непричастность в исламе» как идеологическая доктрина радикальных ваххабитов // Кавказ – наш общий дом: материалы международного студенческого форума (8 декабря 2014, г. Ростов-на-Дону), Ростов н/Д.: Изд-во РГСУ, 2014. С. 64–67. 0,25 п.л.

13. *Круглова А.Ю.* Геополитическая и этнонациональная идентичность Северного Кавказа в системе национальной безопасности России // Актуальные проблемы науки Юга России и Армении: поиски и решения / Отв. ред. Ю.Г. Волков, В.В. Кривоусков, А.К. Саакян. Ер.: Изд-во «Амарас», 2014. С. 485–491. 0,4 п.л.

14. *Круглова А.Ю.* Туранский (турецкий) проект и его реализация в сетевых войнах на Юге России // Путь в науку. Материалы Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Ростов н/Д.: Изд-во «Фонд науки и образования», 2015. Ч. 4. С. 41–44. 0,25 п.л.

15. *Круглова А.Ю.* «Черкесский вопрос» в фокусе сетевых войн на Юге России // Научное обеспечение регионального развития. Материалы международной научной конференции (23-24 апреля 2015 г.). Ростов н/Д.: Изд-во «Фонд науки и образования», 2015. С. 325–329. 0,25 п.л.

16. *Круглова А.Ю.* Теоретические концепции осмысления феномена «сетевая война» // X Ковалевские чтения. Материалы научно-практической конференции (13-15 ноября 2015, г. Санкт-Петербург) / Отв. ред. Ю.В. Асочаков. СПб.: Изд-во «Скифия-принт», 2015. С. 157–160. 0,25 п.л.

17. *Круглова А.Ю.* Основные методы борьбы с терроризмом // X Ковалевские чтения. Материалы научно-практической конференции «Россия в современном мире: взгляд социолога» (13-15 ноября 2015, г. Санкт-Петербург) / Отв. ред. Ю.В. Асочаков. СПб.: Изд-во «Скифия-принт», 2015. С. 360–362. 0,25 п.л.

18. *Круглова А.Ю.* Факторы формирования сетевых структур террористов на Юге России // Материалы всероссийской конференции «Нациестроительство и модели национальной интеграции в России». Часть 2. Ростов н/Д., 2016. С. 278–284. 0,4 п.л.

19. *Круглова А.Ю.* Внутренние и внешние факторы формирования сетевых исламистских структур на Юге России // Материалы международной научной конференции «Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке (К 100-летию Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского, 10-12 ноября 2016 г.)». СПб.: Изд-во «Скифия-принт», 2015. С. 749–751. 0,25 п.л.

20. *Круглова А.Ю.* Методы противодействия деструктивной деятельности исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур // Патриотизм, гражданственность и солидаристские практики в региональных сообществах на Юге России. Материалы Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Ростов н/Д.; Изд-во «Фонд науки и образования» 2018. (отданы в печать). 0,25 п.л.

Для заметок

Сдано в набор 04.02.2019. Подписано в печать 04.02.2019.
Печать цифровая, гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 2,1.
Формат 60x84/16. Тираж 100 экз. Заказ № 21.

Отпечатано в типографии
ООО «Фонд науки и образования»
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 111.
тел. 8-918-570-30-30